

Апостолъ Японіи ¹⁾). Высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Николай, въ міръ Иванъ Димитріевичъ Касаткинъ, родил-

---

¹⁾ Почилъ о Господѣ въ г. Токио 3 февр. с. 1861 г.

ся въ селѣ Егорѣ, на р. Березѣ, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Село это находится въ 70 в. отъ г. Бѣлаго, по лѣтнему тракту, и въ 45 в. по зимнему, по направленію къ сѣверу, въ глухихъ лѣсахъ, въ сосѣдствѣ съ мѣстностію, извѣстною подъ именемъ „Бѣльской Сибири“, и по мѣсту рожденія своего высокопреосвященный Николай былъ сосѣдомъ другого великаго чело- вѣка, С. Ал. Рачинскаго, родившагося въ селѣ Татевѣ, Бѣльскаго же уѣзда. Но мѣняются времена, а съ ними получаютъ извѣстность и просвѣтляются и глухія мѣстности,—теперь въ въ одной четверти версты отъ села Березы находится станція Моск.-Винд. ж. д. „Мостовое“, отдѣленная отъ села только р. Березою. Отецъ Ивана Димитріевича Касаткина Димитрій Ивановичъ былъ діакономъ въ селѣ Березѣ. Мать его звали Ксенією Алексѣвною, которая родилась 24 января 1806 года. Бракосочетаніе Димитрія Ивановича съ Ксенією Алексѣвною состоялось 15 февраля 1829 года. У супруговъ Касаткиныхъ, какъ видно изъ памятной книжки, веденной самимъ о. діакономъ Касаткинымъ, было четверо дѣтей: первый сынъ Гавріиль—родился 18 марта 1832 г. и умеръ 28 іюля того же года. За нимъ слѣдовала дочь Ольга, родившаяся 6 іюля 1833 г.,—при семъ въ памятной книжкѣ отмѣчено: воспріемникомъ ея былъ „тесть“,—откуда слѣдуетъ, что Димитрій Ивановичъ Касаткинъ поступалъ въ село Березу на сдаточное мѣсто, со взятіемъ въ замужество дочери діакона Алексѣя Савинскаго. Третьимъ сыномъ у супруговъ Касаткиныхъ былъ Іоаннъ, родившійся 22 авг. 1836 года, и послѣднимъ—сынъ Василій, родился 16 марта 1840 г. Трое дѣтей о. діакона Касаткина: дочь Ольга и сыновья—Іоаннъ (нынѣ архіепископъ Николай) и Василій здравствуютъ доселѣ. Ольга живетъ въ с. Егорѣ съ дѣтьми, а о. Василій, въ санѣ протоіерея, настоятелемъ женскаго Срѣтенскаго монастыря, въ г. Сызрани, Симбирской губерніи. Въ 1841 г., 11 октября, о. діаконъ Димитрій Касаткинъ овдовѣлъ. Въ памятной книжкѣ о покойной своей женѣ онъ оставилъ такую запись: „отъ рожденія до бракосочетанія жила 22 года, отъ бракосочетанія до смерти 12 л., а всего жила 34 г. и 8 мѣсяцевъ. Была изъ женскаго пола самага большого роста, волосы имѣла темнорусые, лицо бѣлое, носъ умѣренный, большой лобъ, нѣсколько нависшій на глаза. Скромна и набожна“. Со смертію жены, на рукахъ о. діакона Касаткина осталось трое

малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ старшей дочери было 8 л., сыновьямъ—Іоанну 5 л., а Василию меньше года. Всѣ заботы о воспитаніи дѣтей пали на одного молодого вдовца, который и воспиталъ ихъ соотвѣтственно своему званію и своимъ средствамъ: дочь воспитывалась дома, а сыновья, по достиженіи школьнаго возраста, опредѣлены были въ духовное училище. Воспитаніе дѣтей и теперь сопряжено съ великими заботами и расходами, но всѣ эти заботы и расходы увеличиваются у вдовыхъ священнослужителей, которымъ приходится выбирать женскую прислугу съ великою осмотрительностію. Увеличивались расходы у Бѣльскаго духовенства по воспитанію дѣтей и по причинѣ отсутствія духовнаго училища въ г. Бѣломъ, и оно, по необходимости, вынуждено было отправлять своихъ дѣтей—въ Смоленскъ, Вязьму,—и живущіе на сѣверо-восточной окраинѣ уѣзда—во Ржевъ (Тверск. губ.) и Торопецъ (Псковской губ.). Въ одномъ изъ этихъ училищъ начиналъ свое школьное образованіе и старшій сынъ о. діакона Касаткина—Іоаннъ, а въ 1849 г., по открытіи училища въ Бѣломъ, переведенъ былъ въ Бѣльское.—Возвращаемся къ памятной книжкѣ о. діакона. „Въ 1850 г.“ пишетъ онъ, „поступилъ въ Рославльскій монастырь, Смоленской губерніи, въ 1855 году выбылъ изъ монастыря—въ село Березу“. Поясняемъ эту записку. Къ этому времени достигла совершеннолѣтія старшая дочь его Ольга, которой онъ и сдалъ мѣсто. Зятемъ его былъ Филиппъ Измаиловъ, но онъ пожилъ недолго, отъ 3 до 4 лѣтъ, и умеръ, оставивъ жену съ единственною дочерью Анною ¹⁾. Вслѣдствіе этого о. діаконъ Касаткинъ вышелъ изъ монастыря и опять занялъ свое мѣсто въ Березѣ, чтобы дать возможность сыновьямъ продолжать ученіе. Изъ этого обстоятельства видно, что діаконъ Касаткинъ жилъ въ монастырѣ, не принимая иноческихъ обѣтовъ. Какъ ни тяжела была потеря молодого зятя, но все же она облегчилась тѣмъ, что въ домѣ о. діакона былъ теперь свой родной глазъ, за хозяйствомъ его смотрѣла овдовѣвшая дочь. Въ 1857 г. старшій сынъ его Іоаннъ окончилъ семинарію первымъ студентомъ и отправленъ былъ въ С.-Петербургскую духовную академію, на казенный счетъ. Въ слѣдующемъ году сгорѣлъ домъ

¹⁾ Она была въ замужествѣ за моимъ роднымъ братомъ, Василиемъ, священствовавшимъ въ Симбирской губерніи,—оба они умерли.

о. діакона. Въ 1860 году о. діаконъ Д. И. Касаткинъ вышелъ въ заштатъ, а старшій сынъ его Іоаннъ оставилъ академію и, въ санѣ іеромонаха, съ именемъ Николая, отправился въ Японію.— Въ заштатѣ о. діаконъ Касаткинъ прожилъ 18 лѣтъ. Въ 1867 г. онъ ѣздилъ къ сыну Василію, въ село Кувай, Симбирской губерніи, такъ какъ этотъ сынъ его, по окончаніи курса въ Смоленской семинаріи, поступилъ священникомъ въ означенную губернію. Въ 1870 г. пріѣзжалъ на родину, для свиданія съ отцомъ, и старшій сынъ его, іеромонахъ о. Николай. Въ Березѣ тогда священствовалъ товарищъ его по семинаріи, о. Василій Руженцевъ, скончавшійся въ санѣ протоіерея 21 янв. 1905 г. Былъ о. Николай и въ городѣ Бѣломъ, одновременно съ епископомъ Серафимомъ, который принялъ его весьма неблагосклонно и сдѣлалъ даже выговоръ, что онъ безъ монашескаго клобука. О. Николай оправдывался отдаленностію своего мѣстожителства и продолжительностію путешествія—по разнымъ государствамъ, океанамъ, морямъ и каналамъ, и что въ такомъ видѣ онъ являлся и ко Двору. Первое путешествіе о. Николая въ Японію продолжалось едва ли не болѣе года? Хотя въ краткомъ очеркѣ жизни высокопреосвященнаго Николая, помѣщенномъ въ № 4 Епархіальныхъ Смоленскихъ Вѣдомостей за 1910 годъ, сказано, что Иванъ Д. Касаткинъ, рукоположенный въ іеромонахи 30-го іюня 1860 г., осенью того же года прибылъ въ Японію, но есть другая дата прибытія о. Николая къ мѣсту служенія— 8-ое іюля 1861 года. Во время перваго своего пребыванія на родинѣ, въ 1870 г., о. Николай, бывши въ Бѣломъ, посѣтилъ своего товарища по семинаріи, о. Ракитскаго, бывшаго священникомъ въ градской Воскресенской церкви († 1874 г.); удостоилъ своимъ посѣщеніемъ и меня, въ то время еще бывшаго учителемъ въ духовномъ училищѣ; встрѣтился у меня и со своимъ знакомымъ по семинаріи, тоже учителемъ, В. Н. Пляшкевичемъ († 1905 г.); и вотъ здѣсь-то онъ выразился, что „теперь онъ на опытѣ убѣдился, что земля кругла“, очертивъ тотъ путь, по которому онъ ѣхалъ въ Россію и обратно поѣдетъ въ Японію. Въ эту же поѣздку (1870 г.) іеромонахъ о. Николай произведенъ былъ, въ Петербургѣ, при отъѣздѣ въ Японію, въ санъ архимандрита и поставленъ начальникомъ японской духовной миссіи, а до тѣхъ поръ онъ числился при рус-

скомъ консульствѣ. Припоминается намъ и другой случай изъ жизни молодого японскаго миссіонера, аналогичный съ тѣмъ, который произошелъ у него съ епископомъ Серафимомъ. Посѣтилъ однажды отца іеромонаха Николая маститый архипастырь, уже много потрудившійся и многого достигшій на миссіонерскомъ поприщѣ. Сей архипастырь (нынѣ уже почившій), увидя о. Николая, занимающагося англійскимъ языкомъ, не одобрилъ этихъ занятій. Въ 1880 году архимандритъ Николай вторично пріѣзжалъ въ Россію и на родину, и въ эту поѣздку, 30 марта, архимандритъ Николай хиротонисанъ во епископа Ревельскаго. На родинѣ онъ уже не засталъ отца въ живыхъ,—онъ умеръ 10 марта 1878 года, не доживъ двухъ лѣтъ до того времени, когда сынъ его былъ возведенъ во епископа. Тамъ (на родинѣ) жива была и теперь здравствуетъ старшая сестра высокопреосвященнаго Николая Ольга Димитріевна Куницкая, 77-лѣтняя старуха, и три ея сына: Иванъ, Александръ и Андрей Куницкіе, не служащіе дворяне. Мать ихъ, Ольга Димитріевна, по смерти перваго мужа своего, діакона Филиппа Измаилова, вышла въ замужество за дворянина Иларіона Михайловича Куницкаго, который также уже умеръ (въ 1896 г.). За все время своего пребыванія въ Японіи, высокопреосвященный Николай велъ переписку съ сестрою и дѣтьми ея, а своими племянниками. Покойному отцу онъ пріобрѣлъ въ собственность небольшой участокъ земли, въ смежности съ причтовою землею с. Березы, которымъ теперь пользуется сестра его съ дѣтьми. Не забылъ высокопреосвященный Николай и подроставшаго поколѣнія своихъ односельчанъ-крестьянъ. Въ деревнѣ Коптянкѣ устроена церковно-приходская школа имени высокопреосвященнаго Николая. На устройство этой школы онъ выслалъ 200 р., и столько же ежегодно высылалъ на содержаніе ея съ 1902 года. Вспомнилъ высокопреосвященный Николай и о родномъ бѣльскомъ духовномъ училищѣ. Въ 1909 году, когда общество вспоможенія нуждающимся ученикамъ бѣльскаго духовнаго училища избрало высокопреосвященнаго своимъ почетнымъ членомъ, онъ выразилъ „глубочайшую благодарность общему собранію членовъ этого общества“ и на нужды учениковъ выслалъ свою жертву—100 рублей. Горячо любятъ прихожане села Березы своего родного—односельчанина, высокопреосвященнѣйшаго

архієпископа Николая,—такою же любовію отвѣчалъ и онъ имъ. Появляясь рѣдкимъ гостемъ въ родныхъ краяхъ, онъ собиралъ бывшихъ сверстниковъ своего дѣтства и вель съ ними увлекательныя бесѣды объ отдаленной Японіи, о нравахъ и обычаяхъ ея жителей. Нужно ли упоминать о томъ, сколько радовался и одновременно скорбѣлъ покойный отецъ высокопреосвященнаго? Когда заходила рѣчь о далекой Японіи, гдѣ начиналъ свои апостольскіе подвиги его сынъ—іеромонахъ Николай, о. діаконъ положительно заливался слезами и при этомъ прибавлялъ, что „дѣти его оправдали свою фамилію: подобно перелетнымъ птицамъ, разлетѣлись въ разныя далекія стороны“! И мы къ этому прибавимъ, что и самъ о. діаконъ полеталъ по матушкѣ православной Россіи. Изъ записной книжки его видно, что въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія діаконъ Касаткинъ, въ качествѣ сборщика денегъ на реставрацію приходскаго храма, прошелъ по семи губерніямъ: Петербургской, Московской, Смоленской, Тверской, Новгородской, Могилевской и Псковской, и посѣтилъ почти всѣ уѣздные города этихъ губерній. И кромѣ сего, уже на старости лѣтъ, въ 1877 г., онъ путешествовалъ къ сыну Василю, въ Симбирскую губернію. Роста о. діаконъ Касаткинъ былъ средняго; не тучень, но крѣпокъ тѣлосложеніемъ, посему и въ старости отличался подвижностію; морозовъ не боялся и теплыхъ сапоговъ не носилъ, и замѣчательную имѣлъ привычку: выѣзжалъ изъ г. Бѣлаго въ свое село непременно въ ночь, хотя большая часть пути пролежала по огромнымъ и темнымъ лѣсамъ; ночью, говори-валъ онъ, „не будетъ задержекъ отъ встрѣчныхъ путешественниковъ“. Хотѣлось бы намъ прослѣдить первые шаги юнаго русскаго миссіонера, 23-лѣтняго іеромонаха о. Николая, когда онъ въ первый разъ поставилъ свою ногу на японскую территорію. Въ то отдаленное время Японія отъ насъ была не только далека, но и малоизвѣстна настолько, что когда я въ первый разъ явился въ мѣстный почтамтъ съ письмомъ, адресованнымъ въ Япо-нію, то привелъ г. почтмейстера въ большое затрудненіе. Послѣ долгаго раздумья, онъ задалъ мнѣ такой вопросъ: а въ какомъ это государствѣ будетъ Японія? Я ему далъ отвѣтъ, но все-таки онъ не принялъ моего письма. Тогда я взялъ съ собою товарища-спеціалиста, учителя географіи, и большихъ трудовъ стоило

намъ двоимъ убѣдить почтмейстера въ существованіи на земномъ шарѣ Японской имперіи и только послѣ этого письмо было принято. Но возвращаемся къ юному миссіонеру, іеромонаху о. Николаю, высадившемуся на японскій берегъ. Вѣроятно, робки, рассчитаны и осторожны были первые шаги его на чужой землѣ и среди совершенно чуждыхъ ему людей, тѣмъ болѣе, что онъ и не именовался миссіонеромъ, а прикомандированъ былъ къ русскому консульству, для удовлетворенія религіозныхъ потребностей членовъ этого учрежденія. Что же видѣлъ, чувствовалъ и испытывалъ въ своей душѣ этотъ миссіонеръ? Выше мы сказали, что покойный отецъ его, при воспоминаніи о Японіи, рѣчь свою растворялъ слезами. Возможно, что и сына его, взявшаго крестъ миссіонера, давила тоска по родинѣ, разлука съ близкими родными, съ самою родиною и наконецъ—одиночество полное въ иновѣрной и иноязычной странѣ! Прежде всего ему нужно было взяться за изученіе мѣстнаго языка, который, по его словамъ, представлялъ первую, но самую трудную преграду на подлежащей ему дѣятельности, потому что японскій языкъ труднѣе даже китайскаго. Но всѣ эти препятствія, благодаря усиленному труду и настойчивости о. Николая, были препобѣждены—Богу содѣйствующу! Особенно успѣшно стала развиваться дѣятельность русскаго миссіонера послѣ того, какъ онъ успѣлъ обратить въ христіанство нѣкоего Павла Савабе, личность довольно замѣтную въ религіозномъ отношеніи въ Японіи. Этотъ Павелъ Савабе долгое время былъ дорогимъ и незамѣнимымъ сотрудникомъ высокопреосвященнаго Николая, который и оплакалъ кончину его слезами искренняго сожалѣнія! Годъ отъ году осваиваясь съ новою мѣстностью, съ обычаями ея жителей-бытовыми и религіозными,—и со своею дѣятельностію, іеромонахъ о. Николай пришелъ къ убѣжденію, что для большаго успѣха въ подлежащемъ ему дѣлѣ, кромѣ національнаго языка японцевъ, ему необходимо владѣть и англійскимъ, который въ Японіи является общераспространеннымъ языкомъ, посему-то онъ и взялся за изученіе этого языка.—Шли годы за годами, съ ними развивалась и миссіонерская дѣятельность; изъ малаго зерна христіанства, брошеннаго рукою о. Николая въ землю языческой Японіи, возросло великое древо пра-

вославної восточной церкви въ Японіи, которую справедливо можно назвать дочерію православно-русской церкви!

Протоіерей *Петръ Синявскій*.

„Странникъ“ 1910 г. мѣсяць октябрь.